

кнутым в себе, работающим на себя, обслуживающим только себя сознанием. Именно поэтому терпят поражение Сашка Скиф и его дружок Петр Музей.

Казалось бы, что может быть общего между лентяем Скифом и трудягой Петром? Ведь Сашка Скиф — это убежденный бездельник, ведущий растительный образ жизни и все силы ума тратящий на то, чтобы уклониться от работы в любом ее виде. А Петр Музей — воплощенная деловитость. Его жизнь логически расчислена им самим: «...сон — пять часов, учеба — двенадцать часов, непроизводительные расходы рабочего времени — четыре часа, свободное время — три часа».

Есть, однако, некая черта, роднящая идейного лентяя и трудолюбца-фанатика: оба они противопоставлены жизни, прячутся от нее, стараются быть в стороне от ее не укладывающегося ни в какую схему мощного органического движения, где обязательно есть напряженная систематическая работа, от которой шархается Скиф, и богатство чувств, отвлекающего воздействия которых страшится делающий научную карьеру Петр Музей.

Поражение Скифа в поединке с веселым и остроумным председателем колхоза могло бы иметь печальные практические последствия. Но Скифу его благородный противник дает возможность искупить вину честным трудом в колхозе на должности главного инженера. Так в поражении Сашки Скифина намечается возможность духовного возрождения и творческого развития выпускника факультета механизации Александра Скифина. Предстоит труд, напряженный систематический труд, которого Скиф успешно избегал в институте и к которому — хочешь не хочешь — надо приобщаться.

Таков итог повести, так завершается действие, распутываются наконец узлы сюжетных хитросплетений и укладываются в стройную систему водевилльно-протесковские ситуации. Конец, разумеется, счастливый для племянника гипнотизера, но это счастье относительно, ибо жизнь продолжается и пока что выдержано только самое, быть может, первое и явно не самое трудное испытание на способность встать лицом к действительности и быть ее активным участником на началах социальной активности и непоказной нравственности.

В повестях «Грибы на асфальте» и «Племянник гипнотизера» автор испытывает юных героев на духовную зрелость и социально-нравственную значительность в сравнительно спокойных условиях — поэтому так органична, так уместна здесь атмосфера веселой иронии, водевильной куцеты и путаницы, в которую погружает читателя автор. Но все это — вчерашний день для прозаика Евг. Дубровина.

Евг. Дубровин нынешнего дня — автор повестей «Марсианин», «В ожидании козы», «Билет на бал-кон» — ставит перед новыми своими героями несравненно более серьезные препятствия, он проводит развернутое испытание на человечность через откровенно заостренные пограничные ситуации, когда на карту ставится подчас человеческая жизнь, а не одно только материальное благополучие.

Последняя повесть Евг. Дубровина «Одиссея Георгия Лукина» построена как «рассказ в рассказе». Предельно условную ситуацию автор избрал не случайно. Общеизвестно опромное воздействие на детей и юношество книг приключенческого жанра. Высокие идеалы добра, однажды запав в детскую душу, определяют зачастую поступки человека на всю жизнь.

Вы читаете первые страницы — никакой «Одиссеи» пока нет, однако основной конфликт книги намечается уже здесь. Испытание на человечность и мужество еще впереди, но два диаметрально противоположных взгляда на жизнь уже столкнулись, намечая и определяя путь дальнейшего движения авторской мысли вплоть до финала. Спорят двое ребят, случайно познакомившихся на автобусной остановке, куда они выносят овощи на продажу, — спорят о деньгах, о том, как и для чего жить. У обоих есть мечта, и обоим кажется, что желанное можно осуществить, были бы деньги. Но только одному — еще совсем маленькому — деньги нужны для того, чтобы купить... старинный корабль и плавать на нем по морям-океанам, а другому — подростку Павлу — для того, чтобы приобрести автобус и возить на нем в курортный сезон «на море всякую еду»: «Там, говорят, за всем очередь».

Маленький мальчик, которого отец посылает торговать овощами около автобусной остановки на шоссе, видит, как чужая жизнь, не похожая на его привычную,

проносится мимо. Внимание мальчика не случайно фиксируется на веселых туристах, покинувших дом, свое привычное сегодня ради таинственного завтра. Павла же, привычно и умело торгующего овощами на автобусной стоянке, подобные тонкости отнюдь не занимают. У него нет и в помине мечты о дальних дорогах. Для него мечта о поездке к морю — это просто поиск нового торгового места для себя, удобного места под солнцем — такого места, какое нашел отец Мальчика, строящий дом с предельным напряжением сил, не жалея ни себя, ни домашних. Отцу не зря понравился Павел («хозяйственный хлопец», «плохому не научит»), как не случайно и то, что Павел не нравится Мальчику. Так сталкиваются две взаимоисключающие точки зрения на жизнь, на место человека в этой жизни.

В самом начале повести в многозначительном диалоге автор сводит Мальчика с его Матерью, которая умиляет, надорвавшись на строительстве собственного дома. Мать говорит сыну: «...ты уезжай отсюда, сынок... Он тебе не нужен, этот дом... Ты надорвешься здесь... Вы никогда его не постройте... Все будет казаться мало... Все будете строить...»

Не ошиблась ли женщина? Ведь двое сильных мужчин успешно заканчивают постройку дома. Между тем в предсмертных словах женщины таится глубинная правда, чрезвычайно важная автору для прояснения смысла повести: дом не может быть построен потому, что нет конца стяжательству, если только человек не встанет ему поперек пути, не поставит ему предел. Все дальнейшее развитие действия — это убедительное обоснование для Мальчика материнской правоты. Пользуясь приемом откровенной сюжетной условности, автор дает своему маленькому герою в руки «дневник, найденный в трех бутылках».

Конечно, условна мотивировка, при помощи которой читатель узнает о чудесных — на грани фантастического — приключениях Георгия Лукина, условна и основная исходная ситуация, позволяющая автору свести в единый сюжетный узел разношерстную толпу, которая сбилась на небольшом глухом острове, притулившемся вблизи заболоченной поймы по течению тихой небольшой речки. Поэтому нужно заранее отказать от

попыток объяснять и истолковывать и исходную и центральную ситуацию и поведение героев в нормах привычных, житейски достоверных мотивировок, в пределах пропорций нашей повседневной жизни.

В самом деле. Мудрено, чтобы Мальчику, который живет на берегу реки в лесу, где отец и старший брат строят дом, в воде попались три запечатанные бутылки с дневниковыми записями похищенного пиратом молодого человека по имени Георгий. Однако иначе и быть не могло: не попадись все три сосуда в порядке логической последовательности любознательному Мальчику — не было бы повести.

Фантастична, явно нереальна, если смотреть с точки зрения житейского правдоподобия, и сама рабовладельческая ферма, где потрошат лягушек и вполне серьезно продают кому-то высушенные лягушечьи шкурки.

Наконец, уж совершенно невероятно, чтобы разветвленная банда действовала в густонаселенном районе, да еще летом, когда от одних туристов проходу нет.

В том, что Евг. Дубровин сосредоточивает события своей фантастической повести на острове, конечно, проявляется переключка с классическими произведениями приключенческой литературы — с «Робинзоном Крузо», «Островом сокровищ», «Таинственным островом». Герои оказываются на опасной территории, с которой нельзя уйти. Это значит, что ты должен или победить или погибнуть, или сдаться, что означает нравственную гибель в глазах читателя.

Человеческие индивидуальности предстают здесь не в психологическом развитии, а в таком движении, при котором персонаж лишь как бы поворачивается перед читателем, открывая те или иные стороны своего «я». Здесь нет полутонов, нет и половинчатых решений, ибо невозможны компромиссы.

При первом же серьезном испытании капитулирует Роман Сундуков, студент философского факультета, пишущий по линии Научного студенческого общества статьи о Платоне и Фейербахе. Поначалу Сундуков мог показаться безобидным парнем, а его недостатки совсем уж незначительными. Ну что, например, плохого в том, что он, приехав на каникулы в деревню, изнывает от скуки в жаркие дни летней страды? Однако

не забудем, что молодой здоровый парень способен не работать, когда работают все, и при этом не испытывает ни малейшего чувства неловкости. Умение «философа» бездумно потреблять, ничего не давая взамен, способность ради собственного спокойствия не думать об окружающих, наизусть забывая о них, — вот что является доминантой внутреннего облика действующего лица, а вся его книжность, все его рассуждения об Александре Блоке и русской душе — это внешнее.

Неотъемлемой частью внутреннего «я» студента-философа является еще и его незащищенность перед страхом: он уверяет Георгия, что надо дружить с пиратами, просвещать их, что под их жадной наживы, злостью и даже жестокостью таятся чудесные нравственные качества детей природы, «естественных людей».

Становится неумолимо ясно, с кем и против кого Роман Сундуков, чего стоят его оппозиционные разговорчики. Всем ходом действия автор показывает, что эти разговорчики студента-философа никому из «детей природы» не опасны.

Здесь, как и в повести «Билет на балкон», возникает проблема «естественного человека» в современных условиях. Однако переключка мотивов с тем большей наглядностью позволяет понять, что в повести «Одиссея Георгия Луккина» автор проверяет «естественного человека» не исполненной трагизма ситуацией из неаписанного романа Бориса Глорского о «бесполезно прожитой жизни» (см. повесть «Билет на балкон»), а реальностью действующих на фантастическом острове законов. Подобно уже знакомому нам по повести «Билет на балкон» Василию Петровичу, и у деда Алтея, и у лидера пиратов по кличке Василис Прекрасный здоровая жизнь, прочные избы, работа на свежем воздухе, овощи со своего огорода, а над всем этим страшная жадность, готовность на убийство во имя защиты нажитого, во имя заработка.

При изображении Лолиты-Маргариты Евг. Дубровина пользуется тем же приемом: начиная с юмористического описания, автор затем переходит к прямому обличению. Наше первое знакомство с героиней происходит в момент, когда она в красиво-задумчивой и загадочной позе, стоя на балконе, внимает вокальным

упражнениям юнцов с гитарами. Опираясь на давнюю «испанскую» традицию серенад, балконов, загадочных красавиц и влюбленных кабальеро, писатель пародийно сталкивает условность ситуации и житейскую подлинность.

Лолита-Маргарита, подобно Роману Сундукову, довольно быстро проявляет свою внутреннюю суть. Внешне пассивная и беззлобная, она на деле достаточно активна в достижении своих целей, в стремлении к материальному благополучию за счет других. Не случайно в ее мечтах возникает и богатый особняк, и парк, и роскошная коляска — атрибуты богатства, созданного и поддерживаемого усилиями других.

Однако барокко дом — это, если так можно выразиться, теоретическое мечтание, а вот то, что Лолита-Маргарита, живя на пиратском Острове, пользуется плодами чужого труда, — это практика. Как и Роман Сундуков, Лолита-Маргарита хочет потреблять, ничего не давая людям взамен, не идя им навстречу. И она и студент-философ одного поля ягоды. Это и делает их своими в среде «естественных людей», как называет студент-философ пиратов Острова.

Для автора «естественная жизнь» всей этой разномасштабной публики как раз неестественна. Не случайно весь этот мир нарисован как нелепый, странный, деформированный — на грани жуткого сновидения.

«Одиссея Георгия Лукина» — это не только бредовый мир деда Алгея, Василиса Прекрасного и других «скромных» тружеников, которым надоело жить, как живут обыкновенные люди. Но в еще большей мере — знакомая до отвращения жизненная философия Анатоля, суть которой предельно проста: «Все люди делятся на предприимчивых и исполнителей. Исполнители — рабочий скот, это и не люди вовсе».

Эти откровенные слова Анатоля произносит к концу повести, но у них есть предыстория, приводящая нас к первому знакомству с персонажем. Анатолий уже тогда резко отличался от своих дружков — от бездельников-гитаристов — тем, что постоянно сокрушался, видя, как валяются тряпки, бумажки, всякий мусор. Как поворится, ценное утильсырье: деньги валяются под ногами — надо только нагнуться. Кажется, что тут плохого? Сама жизнь требует хозяйствовать разум-

то, умело и бережно. Все дело, однако, в том, что Анато́лем — и это видно с самого начала! — движет не забота пражданина, чувствующего себя хозяином страны, а самая обыкновенная жадность, которая приобретает в дальнейшем облик жестокости и прямого злодейства. На Острове по существу сталкиваются два мира — мир отживший, но не желающий признать своего поражения, и мир светлый, жизнеутверждающий.

Но что делать тем, кто, живя на Острове, не согласен с Анато́лем, ненавидит его и его человеконенавистническую позицию? Как быть? Может быть, смириться, как смирился Роман Сундуков? И не только наклонный к предательству Сундуков! Смирился и Конек-Горбунук, который живет в островном плену надеждой на то, что, когда он распотрошит миллионную лягушку, его выпустят на свободу. Внутренне смирившийся, он не понимает, почему Георгий, его товарищ по несчастью, идет на открытое столкновение.

Георгий борется — один против целой банды. Дед Аггей ловит парня при попытке устроить пожар. Поиманному грозит сожжение заживо.

Каков же итог? Конечно же, достоин уважения, скажем больше — восхищения Георгий. Герой устоял под угрозами прямого принуждения — устоял он и под соблазнами уговоров Лолиты-Маргариты, сохранив душу, сохранив внутреннюю независимость. Но не менее привлекательным оказывается Тихон Егорович, пожилой шеф-повар, человек сугубо мирной профессии, которую он не оставлял и в годы Великой Отечественной войны, стоя у походной кухни.

С точки зрения Конька-Горбунка, на острове Тихон Егорович неплохо устранивается. Но Тихон Егорович так жить не хочет и не может. В решительный момент он спасает Георгия от расправы. Знаменательно, что директор автомагазина «Мымрик», тоже похищенный бандитами, отчаянно боится Тихона Егоровича. Жулику, который, как он сам признается, «немножко налево... дефицит всякий...», повар непонятен и страшен.

Деловое мужество повара дает реальное обоснование как отчаянному мужеству Георгия Лукина, так и заветной мечте Мальчика о корабле и океанских просторах.

В повести «Одиссея Георгия Лукина» между Мальчиком, прочитавшим «дневник, найденный в трех бутылках», и старшим братом происходит спор. Старший брат считает написанное невероятным до нелепости, до глупости: «Есть же чудачки, которым не жалко времени сочинять такое». Но Мальчик стоит на своем — все, что он прочитал, подлинно: «Пираты есть, и с ними надо бороться». Однако он твердо знает, что в одиночку с ними не справиться, а брат и отец ему не помощники. Он, конечно, еще не читал поэму В. Маяковского «Про это» — она ему еще не по возрасту, а то бы мог сказать: «Исчезни, дом, родное место!», и дом должен исчезнуть, потому что Мальчик встречается с другими людьми. Именно в геологах, проплывающих по тихой мирной речке, он справедливо видит реальных союзников в борьбе с пиратами.

Остров в повести Евг. Дубровина — это прежде всего царство жадности, но не той, которая удовлетворяется спокойным накопительством, а мной, более страшной. Перед нами жадность хищническая, активная, растлевающая человеческую душу и способная вцепиться в горло ближнему, не останавливающаяся ни перед чем, вплоть до преступления, вплоть до убийства.

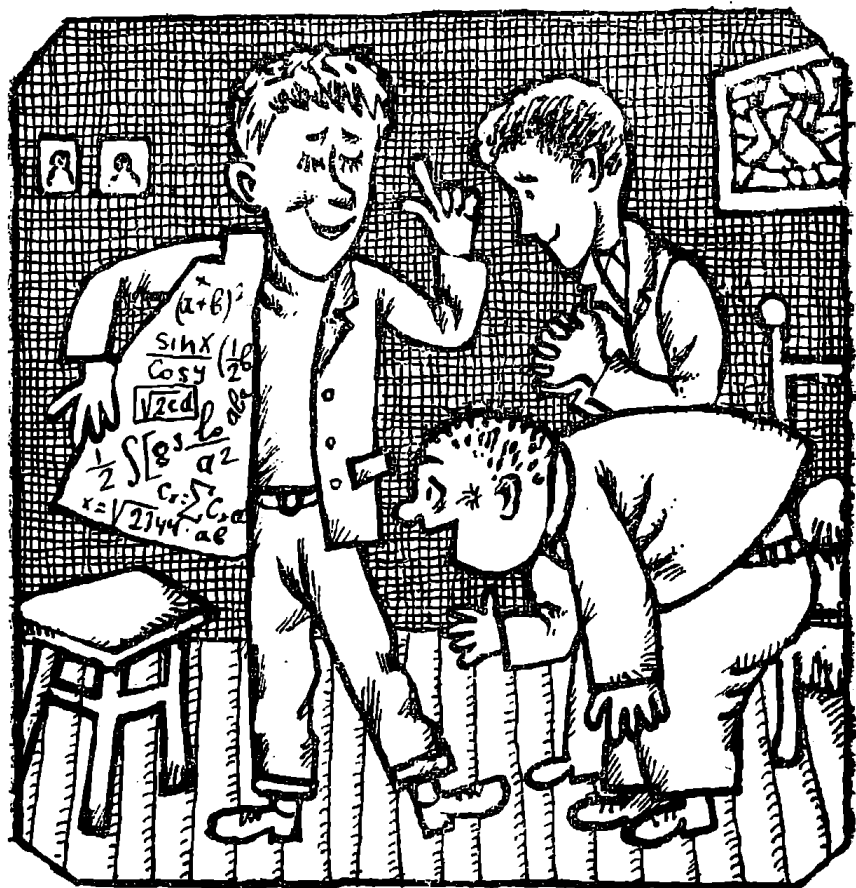
Поэтому не случайно то, что один из геологов всерьез относится к вопросу Мальчика о пиратах, когда предупреждает: «Встречаются еще. Только они замаскированные. Вроде бы на первый взгляд нормальный человек, а на самом деле — пират. Зазеваешься, они тебя и возьмут на abordаж». Встреча с геологами и знакомство с записями Георгия Лукина укрепляют в Мальчике ощущение собственной правоты и внушают читателю надежду на то, что когда Мальчик подрастет, он исполнит просьбу матери — покинет дом, отправится в открытое море и в союзники себе возьмет справедливость, нравственную чистоту и высокое гражданское мужество.

В. Скобелев

ПЛЕМЯННИК ГИПНОТИЗЕРА

* * * * *

Часть жизни
и некоторые
выборочно необыкновенные
приключения
Александра Скифина

Часть первая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ

I

В сорок восьмую комнату комендантша тетя Дуся заглянула просто так, для очистки совести. Живущий в этой комнате Петр Музей, конечно, не мог позволить такого легкомыслия, как похищение с плиты кипящего чайника.

Но картина, которую увидела тетя Дуся, заставила ее оцепенеть. Отличник, член профкома, редактор стенной газеты, человек, с которым даже преподаватели здоровались за руку, валялся прямо в туфлях на скомканной кровати и заплетаящимся языком бормотал формулы. На столе стоял пропавший чайник, валялись огурьки соленых огурцов и колбасы.

Не веря своим глазам, тетя Дуся приблизилась на цыпочках к кровати и привычно втянула воздух широкими ноздрями, похожими на телефонные мембраны. Сомнений не было. Пахло спиртным.

— Ах ты, сердешный, — пожалела тетя Дуся и деликатно удалилась из комнаты, захватив чайник.

Слух о том, что Петр Музей напился, быстро распространился по общежитию. В сорок восьмую комнату стали заглядывать любопытные. На пьяного человека вообще интересно посмотреть, а на отличника и общественного деятеля — тем более.

Петр Музей таращил на любопытных слипающиеся глаза, показывал фигу и бредил из курса «Механизация животноводческих ферм».

— Сам ты осел, — бормотал он. — А то я не знаю... Сначала вода поступает сюда, а отсюда сюда, а потом вот сюда...

Сразу было видно, что предмет Петр Музей знал на «отлично». И тем не менее сегодня утром он получил на экзамене «неуд». Нет нужды говорить, что Петр Музей никогда не получал «неудов». Он не получал вообще никаких оценок, кроме «отл.», как и все так называемые круглые отличники. Но тем не менее факт оставался фактом: в зачетной книжке, которая валялась на тумбочке, в графе против слов «Мех. жив. ферм. Доц.